

Сергей Ткачук

Для звезды популярных сериалов «Марш Турецкого» и «Русские амазонки» Марине МОГИЛЕВСКОЙ, как выяснилось, вовсе не чужды социально-политические проблемы. Более того, своим рецептом их разрешения актриса поделилась с корреспондентом «НИ».

— Марина, вы известная киноактриса. С обывательской точки зрения обитаете в каком-то ином — фестивально-премьерном — мире. А вас волнует, как народ живет?

— Когда говорят, что каждый народ достоин своего руководства, я с этим согласна. И я не готова ругать нынешнее российское правительство по одной простой причине: я не вижу ему альтернативы. Если бы я знала, что ощущение улучшения жизни людей стало бы реальным при условии прихода в власти той или иной политической силы, я бы ее поддержала. А так как такого сказать не могу, то наобум ругать никого не буду. Но я прекрасно помню, как в прошлом году наш президент в послании Федеральному собранию выдвинул стратегическую задачу по борьбе с бедностью. И я порадовалась, решив, что государство вспомнило, наконец, что, помимо чиновников, в этой стране есть еще и народ. Однако вовсю там. В этом, несомненно, виноваты мы. Долгие годы, прожитые при социализме, сделали людей инертными и доверчивыми. Но любое терпение имеет свой предел. Доказательство тому — история с реформой по замене льгот денежными выплатами, которая подтолкнула пенсионеров к протестным акциям. Может, и всем остальным не стоит бояться отстаивать свою точку зрения, поскольку, как показывает практика, это приводит к результатам. Надо вообщем меньше терпеть, больше хотеть, больше действовать и в целом уметь отстаивать свои права. Опять же к такому поведению большинство граждан не приучено. Люди привыкли, что все дадут и всем обеспечат.

— Диагноз: люди не смогли приспособиться к новому капиталистическому укладу. А сумевшие это сделать так называемые олигархи сейчас чуть ли не враги народа?

— Когда народ нищенствует, он начинает патологически ненавидеть людей богатых, тех, кто хорошо зарабатывает. А я считаю, это хорошо, что у нас люди научились зарабатывать, прекрасно, что есть обеспеченные и богатые. Но в связи с этим получилось колоссальное расслоение в российском обществе. Есть люди, которые в силу здоровья, возраста, профессии просто не могут зарабатывать, и их государство обязано поддерживать. А поскольку мы все родом из нищеты, и нынешние богатые люди тоже, то ни у власти, ни у бизнеса нет привычки меценатствовать.

В первую очередь достойный уровень жизни должен обеспечивать правительство — это его прямая обязанность. А оно, напротив, вводит одинаковые налоги как для обеспеченных категорий граждан, так и для людей с более чем скромными доходами. Должна же быть хоть какая-то градация налогов. У меня мама преподаватель, отец всю жизнь занимался ядерной физикой, его институт закрыли. Мне стыдно сказать, какая у них пенсия. И если бы не помощь, которую в силах оказывать я, не представляю, как бы они жили. А наше государство занимается всем, чем угодно — проблемами с Украиной, охотой на шпионов... Это, наверное, тоже важно, но поддержка собственного населения все время остается на заднем плане, в числе третьестепенных задач.

— Возможно, власть сознательно привлекает внимание к перечисленным вами вопросам, чтобы достичь пропагандистского эффекта и отвлечь внимание бедствующего населения от самого важного?

— Поэтому я и говорю, что мы слишком инертны. Действительно, из нас долгое время делали зомби, и мы привыкли смигаться. Я очень много езжу с гастролями по стране и могу сказать, что, приезжая в глубинку, мне плакать хочется. Нищета, людям на колбасу — мечту советских лет — теперь не хватает денег. Это можно оправдать общими словами о сложностях в стране, но бездействие правительства в социальной сфере не имеет оправдания. Я не политик, но совершенно очевидно, что мы куда-то не туда катимся. Возьмем те же пенсии. Я не говорю, что социализм — это хорошо. Я просто сравниваю, как мы жили тогда и сейчас. Если мыслить обывательскими категориями, то на среднюю зарплату в 120 рублей тогда можно было купить сто килограммов мяса. А сейчас на среднюю зарплату можно купить только двадцать. То есть в среднем люди стали жить значительно хуже.

— А если говорить о правоохранительной системе, вы чувствуете себя защищенной в родном государстве?

Актриса Марина МОГИЛЕВСКАЯ:

05

№ 13
(1891)27
января
2006

«Надо меньше терпеть и больше хотеть»

— О чем вы говорите? Я не доверяю нашим органам. В моей жизни были разные ситуации, и я не могу назвать ни одного случая, чтобы они своевременно мне помогли — только нервы вымывали. А может, мне все время просто не везло? Даже на дорогах, помимо взяток, сталкиваешься еще с таким хамством, что пропадает желание ездить. И виной тому — российское законодательство. Невозможно представить, чтобы в Америке или Германии правоохранительные органы вели себя так. А у нас это норма. Я вообще убеждена, что корень зла — в несовершенстве законодательства. Ведь наш народ, как никакой другой нуждается в четких, понятных правилах. Иначе шаг вправо, шаг влево, и мы идем вразнос. Именно дыры в законах порождают корruption и неправомерные поступки.

— Почему же большинство голосов на выборах как местных, так и федеральных, получают именно те силы, что несут ответственность за такое положение дел?

— Есть такое слово «реклама». И этот феномен еще раз доказывает, что наш народ абсолютно доверчив и инертен. Что говорят нам, то и делаем. Это вообще, мне кажется, специфика нашего человека: сказали пойти направо, мы идем направо, сказали налево — идем туда, революция так революция.

Я в состоянии помочь тому, кто в этом нуждается. Но при этом сама я рассчитываю только на себя. Не верю ни политикам, ни правительству

Была бы реклама другого лидера или другой партии, народ пошел бы голосовать за них.

— Кстати, а чем объясняется стремление некоторых представителей актерского цеха примкнуть к партии власти?

— Поскольку мне самой несколько раз предлагали поддерживать ту или иную партию за большие деньги, я прекрасно понимаю, что многие идут на это из материальных соображений. Поэтому могу найти объяснение поведению некоторых артистов. Им нужны деньги, потому что в сфере культуры сейчас тоже беда, ее недофинансируют. Если те мизерные ассигнования, которые туда поступают, вообще можно называть финансированием. Что касается меня, то не единожды в ходе предвыборных кампаний мне предлагали поучаствовать в агитационном концерте, то даже быть лицом партии. Но я

отказывалась по вполне объяснимым причинам. Я не могла взять на себя такую ответственность даже за большие деньги, поскольку люди, от которых исходили такие предложения, ровным счетом ни на какую политику, проводимую в стране, повлиять не могли. Если бы у меня была твердая уверенность, что эти политики действительно могут изменить жизнь в стране к лучшему, наверное, я бы поступила по-другому. Но в том-то и дело: я не вижу ни одной партии и ни одного лидера, за которого я могла бы стопроцентно проголосовать или поддержать в ходе предвыборной гонки. Все слишком много говорят и много обещают: меня всегда это смущает. К тому же политика, ориентированная на людей, подразумевает наличие у того или иного лидера содергательной программы конкретных дел.

Вместо этого в ход идут декларации о намерениях, политики занимаются самовосхвалением и самолюбованием.

— Сейчас стало принято по поводу и без обращаться к теме патриотизма. В кино, каждый раз сняв новую картину, насыщенную спецэффектами, ее создатели говорят о том, что наконец мы сумели снять что-то сравнимое с голливудскими блокбастерами — и это повод для национальной гордости. Не ложное ли представление о патриотизме?

— Наше стремление подражать чему-либо или кому-либо — это проявление нашей слабости и замкнутости. У России и ее людей есть такие ценности и такие способности, которым многие пытались и пытаются подражать, но при всем огромном желании им это не удавалось. Примитивно говоря, это наша русская душа. Поэтому наш советский, старый кинематограф по-прежнему ценится. Но мы все время пытаемся уйти совсем в другой, не свойственный нам мир. Опять же это комплексы, связанные с недостаточной обеспеченностью. Если бы дела обстояли иначе, мы бы занимались собой и тем, что мы хорошо умеем. А когда человек не полноценен, ему все время хочется что-то доказывать. Это происходит повсеместно: и в театре, и в кино, и на эстраде — во всех сферах жизни.

Вот, к примеру, «Дневной дозор». Замечательная картина, ничего плохого о ней не могу сказать. Да, я ее посмотрела для общего развития, все очень качественно, хорошо сделано. Но я выхожу из зала, и у меня нет никаких эмоций, вызванных сюжетом, у меня внутри ничего не остается. А когда я в сотый раз смотрю «Три тополя на Плющихе», я плачу, я смеюсь, меня это трогает до глубины души.

— Есть ли какая-то надежда на то, что внутреннее состояние общества изменится, что люди станут более активными и менее подверженными внушению со стороны нечестолюбивых политиков?

— Я по этому поводу не строю иллюзий, поэтому много лет вообще на выборы не хожу. Может, кто-то расценит это как пессимизм, но я почему-то не верю, что в нашей стране может что-то кардинально измениться, поскольку для этого нет никаких предпосылок. Но я все время задаю себе вопрос: что реально можно сделать? И ответ на него очень прост: каждый человек, если он в силах помочь кому-то, должен это сделать. Я в состоянии помочь тому, кто в этом нуждается. Но при этом сама я рассчитываю только на себя. Не верю ни политикам, ни правительству — только себе.

— В условиях нежелания власти прислушиваться к людям, которые ей, собственно, эту власть делегировали, может ли случиться пресловутый русский бунт?

— К сожалению, да. У нас народ очень терпелив, но если его что-то доведет до ручки, то революция, которая никогда для России ничем хорошим не кончалась, станет неизбежна. И мне очень жаль, что наши чиновники, законодатели то ли об этом не знают, то ли не понимают, то ли вообще предпочитают об этом не думать. А люди, которых я вижу во время гастролей по России, находятся просто на грани от безысходности.

— Безысходность порождает крайние формы нетерпимости, как, например, недавнее чудовищное преступление в синагоге на Большой Бронной?

— Я иногда думаю: ведь когда существовал Советский Союз, таких явлений, как экстремизм, ксенофобия, расовая и религиозная нетерпимость, не было — мы все были братьями и сестрами. И слова «национальность» для большого и дружного народа вообще не существовало. Так что могло измениться за эти недолгие годы? Мне кажется, что причина — в бедственном положении людей. Народу настолько плохо, что нужно найти крайнего, виноватого, поэтому наружу лежат все эти настроения. У Бернарда Шоу есть замечательная и очень точная фраза: «Здоровое общество не чувствует своей национальности, как здоровый человек не чувствует своего позвоночника». А поскольку мы не здоровы, то обостряются эти настроения. Еще страшнее, когда на них кто-то пытается заработать себе политические очки. Меня очень беспокоит эта негативная тенденция. Моя приятельница, армянка, после всех проишествий с нападением на иностранных студентов в Воронеже, Москве и Петербурге просто боится выходить на улицу. Что с этим делать, я не знаю. Но, вне всяких сомнений, в этой области тоже должна быть четкая государственная политика, на корню подавляющая любые формы экстремизма.

НАТАЛЬЯ ЛОГИМОВА

Марина МОГИЛЕВСКАЯ родилась 6 августа 1970 года. Окончила в Киеве Институт народного хозяйства и Киевский театральный институт. Играла в Драматическом театре имени Леси Украинки. В кино актриса дебютировала в 1989 году фильмом «Каменная душа», а широкую известность ей принесли работы в сериалах «Марш Турецкого», «Каменская», «Московские окна». За роль в фильме «Репортаж» Марина Могилевская получила приз за лучшую женскую роль на кинофестивале «Стожары». После переезда в Москву была ведущей телепрограммы «Доброе утро, Россия!». В 2001 году по сценарию Марине Могилевской была снята комедия «Когда ее совсем не ждешь», в которой она приняла участие и как актриса.

Справка

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ Lights

Могилевская Марина

05

№ 13
(1891)

27

января
2006

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

207046